

книг), Даниил лишился материальной поддержки с их стороны и очутился в бедственном положении. Некоторое время Даниил проводил на службе у бояр-капиталистов. Тяжесть труда и унижительное положение трудящегося у бояр вынудили Даниила покинуть службу. Ища выхода из своего положения, Даниил решился, наконец, обратиться к переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу (1213—1236)... с просьбой взять его себе на службу". Это и есть Моление. Слово же Даниила Заточника, по мнению В. А. Келтуялы (в этом отношении он следует за Ф. И. Буслаевым и другими исследователями), есть позднейшая переделка Моления, в которой подчас отсутствует связь между излагаемыми мыслями.¹ Несмотря на наличие в построении В. А. Келтуялы „бояр-капиталистов", он в сущности снижает общественное значение памятника, сводя его к личной просьбе дворянина, повздорившего из-за любви к чтению с родителями и не сумевшего хорошо устроиться „на службе", и к неловкой переделке его „прошения".

В заключение обзора дореволюционной литературы об интересующем нас памятнике, отметим мнение П. П. Миндалева, автора капитального исследования о Слове Даниила Заточника. Анализ текста и источников приводит П. П. Миндалева к убеждению, что Моление Даниила Заточника в его первоначальном виде не сохранилось и не дошло до нас ни в одном из существующих списков. Ближе к нему так называемая редакция XII в. „Судя по тому, — отмечает П. Миндалев, — как настойчиво автор говорит о том, что князь многими людьми честен и славен по всем странам, и что нашим иманием твоего (князя) дому не истощити, так как князь богат не золотом, а множеством воя, надо думать, что средой, в которой сложилось Моление (т. е. в данном случае редакция XII в. — И. Б.), была дружина, носителем идеалов которой оно и является: князь, с одной стороны, заступник сирых и вдовиц, с другой — отец слугам своим, но слуги его это не домочадцы, о которых говорят списки так называемого извода XIII столетия..., а его думцы", к которым принадлежал Даниил. В дальнейшей переработке XII в. „тон Моления меняется, и, повидимому, оно сложилось уже не в дружине, а в иной среде. Еще упоминается обычная милость князя, его защита сирых и худых от богатых; князь также щедр и, не дорожа златом, собирает вокруг себя храбрых и оживляет всех своею милостью; но он уже сравнивается с рыкающим львом, слово его гроза для всех, и для обрисовки его красоты автор приводит целый ряд цитат из Песни песней, не зная меры и раболепствуя, как холоп, которому не избыть укору своего холопья имени, и который сознает, несмотря на то, в себе человека. Автор раб князя, сын его рабыни, его домочадец, а не дружинник". Если же в Молении остаются

¹ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. 1, кн. 1. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 781—782.